

Стол, стул. За столом ЧЕЛОВЕК. Кушает... что же он кушает? Ростбиф? Стейк рибай? Ножки конфи? Нет—скорее, лапшу. Корейский ресторан? Вьетнамская кухня? Суп фо бо? Китайская жареная лапша? Да нет. Он не палочками орудует—вилкой простой. Кажется, даже алюминиевой. Столовка. Общепит. Лапша из алтайской муки. Отборной конечно, первосортной. И котлета. Куриная. Человек явно подшофе и возбуждён.

ЧЕЛОВЕК. Эй, человек! Впрочем, что это я расшумелся?.. Ну а почему он не подходит? Эй, человек! А! (Машет рукой. Достает из-за пазухи плоскую фляжку, отвинчивает крышку, делает несколько глотков—фляжка пустеет. Он встряхивает её, смотрит с сожалением, отправляет в карман.) Вот, даже запаса приличного не припас. Ха! Совсем окосел: «запаса не припас». Литератор тоже. (Неловко хлопает в ладоши.) Эй! Человек!

ГОЛОС (откуда-то из глубины). Молодой человек, вы адресом не ошиблись? У нас—не ресторан, не кафе. У нас—столовая. Официантов нет. Если что-то хотите—подойдите к линии раздачи, вам раздадут, и вы рассчитаетесь.

ЧЕЛОВЕК. Да? Столовая? Странно. На вывеске—«Мелодия». Мелодия—это музыка, это высокие сферы. Так называться может только ресторан или, в крайнем случае, кафе. А вы, значит, столовка...

ГОЛОС. Столовая.

ЧЕЛОВЕК. Ну да, ну да. Я и говорю—столовка. И выпить у вас, значит, нет.

ГОЛОС (почти возмущённо, на грани срыва). У нас приличное заведение! Здесь спиртного не продают!

ЧЕЛОВЕК. Ну ладно, спиртного не продают... Но хотя бы вино есть у вас?

ГОЛОС (уже едва сдерживаясь). Я же вам сказала: спиртного у нас нет!

ЧЕЛОВЕК. Вино—не спиртное. Даже не алкоголь, если верить французам. Если сухое, конечно. Да вам всё равно. И пива нет?

ГОЛОС. Пиво—есть.

ЧЕЛОВЕК. Давайте хоть пива тогда. Две кружки сразу.

ГОЛОС. У нас только бутылочное.

ЧЕЛОВЕК. Ну, две бутылки.

ГОЛОС. Какого?

ЧЕЛОВЕК. А какое есть?

ГОЛОС. Только «Клинское».

ЧЕЛОВЕК. А чего спрашиваете?! Тащите четыре!

ГОЛОС. Тащить будете сами. К линии раздачи подойдёте, вам раздадут, на кассе рассчитают—и пожалуйста, пейте на здоровье.

Человек встаёт, медленно уходит в глубь сцены. Видно, что он уже хорошенько набрался. Возвращается с четырьмя бутылками пива.

ЧЕЛОВЕК. Вот тоже интересно: пиво есть, а откровенно нет. (Вынимает из кармана открывашку, откупоривает пиво. Спыхватывается.) Бокал-то, чёрт! (Кричит.) Где у вас бокалы под пиво?

ГОЛОС. Стаканы на линии раздачи.

Человек встаёт, снова неуверенно шагает в глубь сцены, возвращается с двумя гранёными стаканами.

ЧЕЛОВЕК. Всё как у Райкина со Жванецким: поря дочному человеку выпить негде. Или нечего. (Удивлённо смотрит на стаканы.) Зачем я два-то взял? Ну ладно.

Наливает пиво. Рядом, как тень, возникает ещё один человек—ВЕНИЧКА.

ВЕНИЧКА. Ну а мне?

ЧЕЛОВЕК. А кто ты такой? (Смеётся.) Во, опять цитирую! Так кто ты?

ВЕНИЧКА. Не узнал?

ЧЕЛОВЕК. А знакомы?

ВЕНИЧКА. Пиво только знакомым наливаешь?

ЧЕЛОВЕК (*спохватываясь и усмехаясь*). Да пожалуйста, такого-то пива... и для тебя не жалко...

ВЕНИЧКА. А ты не хамя. Наливай.

ЧЕЛОВЕК. Наливаю, наливаю. Так кто ты всё-таки? Не припомню.

ВЕНИЧКА. Твой двойник. Или тень твоя. Или твоё прошлое. Или твоё предсказанное будущее.

ЧЕЛОВЕК (*озадачен, ставит стакан на стол*). С этого места поподробнее.

ВЕНИЧКА (*морщится*). Что ты всё цитируешь? Свои-то слова есть?

ЧЕЛОВЕК. Не важно. Рассказывай: кто таков? А то ведь и кружкой по башке схлопотать можешь.

ВЕНИЧКА (*усмехаясь*). Ну, даже это—цитата. Да и кружки у тебя нет—стакан. Твоё здоровье! (*Отпивает из стакана*.) Ладно, томить не стану. Ну а сам-то не видишь—на кого похож? Снимки мои предсмертные, когда уже говорить не мог, теперь в Интернете. Да и других полно—с женой, семьёй, трезвый, выпивший...

ЧЕЛОВЕК (*растерянно*). Погоди... Набрался я сегодня. По случаю... да не важно, какой случай. Набрался, потому и не узнал. Я же изучал тебя, анализировал, статьи писал о твоей поэме. Но здесь-то ты как?! Ты ж умер ещё в прошлом веке, за десять лет до новой эры!

ВЕНИЧКА (*усмехаясь*). Считаешь, это помешает мне немедленно выпить?

ЧЕЛОВЕК. Не помешает, так что ж—выпьём! За знакомство? Или за давнюю дружбу?

ВЕНИЧКА. Тебе виднее.

Человек быстро оправляется от неожиданности, приходит в себя, даже, кажется, трезвеет. Ставит на стол пустой стакан, снова наливает, но пить не спешит. Внимательно разглядывает собеседника. Тот как будто не замечает его внимания, сосредоточенно тянет пиво.

ЧЕЛОВЕК. Ну ладно, потешились. Называть мне вас Веничкой как-то неловко, всё-таки разница... в возрасте? Да нет, не в возрасте. Вас уже нет, а я—вот он пока. Разница во времени. Вы—там, я—здесь.

ВЕНИЧКА (*усмехаясь*). Да и я вроде—вот он, здесь, рядом с тобой. Не важно, впрочем. Не принимаешь меня как данность—прими как сон. Ничего не меняет. А?

ЧЕЛОВЕК. Ну да, ну да... Ладно, Венедикт Васильевич, с чем пожаловали-то? Я хоть и алкаш, но до «белочки» пока не допился. Понимаю, что не глюки это, что некая реальность, данная в ощущениях. Вы же не просто так ко мне—пивка

попить, вы же—зачем-то, с какой-то целью. Миссией какой-то. Требованием. Условием.

ВЕНИЧКА (*восторженно стучит стаканом по столу*). Во! К чёрту цель! На хрен миссию! Требование у меня. И условие. Не исполнишь—«белочку» на тебя напущу или, того хуже, трезвенником сделаю на всю оставшуюся. Кстати, а чего ты на «вы»-то перешёл? Чем я от тебя отличаюсь? Возраст примерно один. И что, что я—там, ты—здесь? (*Вдруг становится подчёркнуто серьёзным*.) В общем, слушай. А лучше пива ещё возьми сначала—разговор не простой и не скорый.

Человек покорно встаёт, возвращается с четырьмя бутылками.

ЧЕЛОВЕК. Ну, не томи.

ВЕНИЧКА. Выпьём. (*Выпивает стакан до дна, кивает—Человек молча наливает ему ещё, он снова выпивает, крепко, со стуком, ставит стакан на стол*.) Вот теперь я трезвый, теперь давай поговорим. (*Как будто собираясь с мыслями, он некоторое время крутит в руках стакан, смотрит как бы в себя. Наконец начинает говорить—голос его при этом меняется, становится каким-то... учительским, что ли*.) Я вот с чего начну. Ничего, если с биографии? Ты думаешь—ты её знаешь, столько про меня писал... Ни черта ты не знаешь. Слышал когда-нибудь о детском доме? Ну слышал, конечно, кто ж не слышал? Но ты знаешь, что такое был детский дом на Кольском? Ни черта не знаешь ты, что такое был этот детский дом. Это был фашистский лагерь или того хуже. В лагере-то я не был, только отец мой был, и не в фашистском, а в том, который фашистского хуже. Потому что—наш. Оттого он и запил потом и не смог уже остановиться до смерти, и в детском доме-то я оказался потому, что семью кормить было нечем. Выручало ещё то, что с братаном там были вместе, как-то друг за друга заступались. Но от воспитателей-то как заступиться? Лупили почём зря, в отличники вывели на пинках, чтобы статистику подтянуть. На черта мне их пятёрки нужны были? И без них знал, что—грамотный, что писать умею, что прослаблюсь и нос им покажу... или чего похуже. Ты наливай давай пиво-то. А покрепче здесь нет?

ЧЕЛОВЕК. Нет.

ВЕНИЧКА. Ну, что делать. Пива наливай давай.

Человек наливает, внимательно глядя на Веничку. Во взгляде—насторожённость, опасение, готовность призвать на помощь. Так глядят на сумасшедших. Веничка с жадностью пьёт стакан, кивком просит ещё, снова выпивает, со стуком ставит пустой стакан на стол.

ВЕНИЧКА. Ну вот, теперь я трезвый, теперь давай говорить. На чём остановились?

ЧЕЛОВЕК. На детдоме. Ты там пятёрки получал, а тебя лупили за это.

ВЕНИЧКА. Не за это—дурак ты, что ли? Лупили меня, чтобы пятёрки получал. Пятёрки из меня... вылупляли. *(Смеётся.)* Смешно? А нам смешно не было. Нам—это мне и Борьке, говорил я, да? Братан мой. У родителей, когда отец из лагеря вернулся, денег не было дармоедов кормить. Научно говоря, не было средств к существованию, к содержанию семьи. Отец пил к тому же, остановиться не мог. Вот нас с Борькой и отдали на казённый счёт. Жестоко, но справедливо. Иначе вообще сдохли бы. Пива наливай давай.

ЧЕЛОВЕК *(заглядывая в бумажник)*. Слушай, у меня так денег не хватит—пива тебе так часто наливать. Вроде худой, а пьёшь как...

ВЕНИЧКА *(заливается странным смехом, большим, клокоцущим)*. Не ссы, я займу, на том свете вернёшь. *(Лезет в карман, вынимает советские купюры по рублю, по три, пять рублей.)* Видал, сколько я в той электричке сэкономил? На ящик хватит.

Человек молчит, с недоумением глядя на гору раритетной бумаги. Подумав, жмёт плечами.

ЧЕЛОВЕК. Ладно, выкручусь как-нибудь. Давай рассказывай дальше.

ВЕНИЧКА. Ага. *(Пьёт самозабвенно, утирает губы.)* Ух! «Клинское» говно, конечно. Разливного нет у них? Может, хоть разливное есть?..

Человек уходит, возвращается.

ЧЕЛОВЕК. Нет разливного. Только «Клинское». Придётся давиться. Или куда ещё пойдём?

ВЕНИЧКА. Нет, не пойдём. Если ещё куда—боюсь, не договорим с тобой, исчезну.

Человек смеётся, думая, что собеседник шутит. Веничка смотрит на него внимательно, изучающе.

ВЕНИЧКА. Ты правда думаешь, что я шучу? Ну-ну... В общем, давай «Клинское». *(Выпивает, со стуком ставит пустой стакан на стол.)* Ну вот, теперь я трезвый, теперь давай говорить. На чём остановились?

ЧЕЛОВЕК. Если бы вас с Борькой на казённый счёт не отдали, вы бы сдохли совсем.

ВЕНИЧКА. Да, точно. Точно. Сдохли бы. *(Минуту молчит.)* Закурить есть? Хотя—чего спрашиваю?... Здесь и не курят, поди. Да и я бросил давно. Так, вспомнил, что когда-то умел затянуться как следует... Борька меня постарше

был на год, покрупнее немного, такой... зрелый пацан. У нас там воспитательница одна была—сука. Она его щупала всё время. В угол зажмёт—и щупает. И себя щупать заставляет. Борька ревел после этого всегда. А она грозила: «Не говори никому! Скажешь—накажу!» Наказывали жестоко. Лишали еды и даже воды, запирали в холодную тёмную комнату надолго. Терпел, куда деваться... Не он один такой был. И не она одна. А потом мы ей тёмную устроили. Весело было! Вот тут-то нащупались до отвала! Она виноватых так и не смогла найти. Но к Борьке приставать перестала, только ловила его постоянно на всём—и в холодную... Сука, в общем.

Пауза. Веничка внимательно смотрит на Человека. Тот побледнел, заволновался, судорожно сжимает пустой стакан.

ВЕНИЧКА *(усмехается)*. Что—нехорошо? Пива перепил? Или просто... ну ты же понял, к чему я клоню, да?

ЧЕЛОВЕК. Давно уж понял.

ВЕНИЧКА. Понял, значит, что не мою биографию писал, а своё представление обо мне, и не обо мне даже—о ком тогда? Ты ведь что написал?

ЧЕЛОВЕК *(медленно)*. Давай по порядку. О детдоме я писал по воспоминаниям... ну, не важно—чьим, но подлинным и достоверным.

ВЕНИЧКА *(хмыкает)*. Подлинные—да, а вот достоверные—тут ты хватил. Но продолжай, ладно, не перебиваю больше.

ЧЕЛОВЕК. И не перебивай, пожалуйста. Писал я о том, что детдом ваш был отменно бандитский, а вы с братом—первые отморозки. Борька твой... Борис Васильевич... он такой зрелый уже был, хоть и год у вас разница всего в возрасте. Девкам проходу не давал. И на воспитательниц заглядывался. И терроризировали вы с ним воспитательниц от души, пакости всякие устраивали. Одна из них чуть глаза и рук и лишилась, а потом чуть в дыму не задохнулась, когда вы ей какую-то дрянь в комнату подбросили. Дрянь взорвалась, обожгло её сильно, она упала без сознания, начался пожар, и если бы...

ВЕНИЧКА *(перебивает)*. И если бы не мы с Борькой, сдохла бы она в дыму. Пожалели. Сами вытащили.

ЧЕЛОВЕК *(молчит, явно не зная, что возразить; потом неуверенно)*. Побегу устраивали, драки с местными. Не было, скажешь? И всё вам с рук сходило.

ВЕНИЧКА *(хохочет)*. С рук, говоришь? Не с рук—с ног. И не нам—у нас. Шкура слезила. Побег... Было такое, устраивали. Да из концлагеря

далеко ли убежишь? А бегали, чтобы пожрать по-человечески. Воровали, конечно. Из-за этого и драки с местными. (Помолчав.) Знаешь, чего мы на эту воспиталку окрысились? Ну, тискала она Борьку—ладно, не его одного. Надоело, устроили тёмную—вроде отцепилась. Мстить стала. После одного нашего побега она Борьку сутки продержала коленками на крупной соли. Приковала его наручниками к батарее, чтобы встать не мог, проводывала периодически. Смеялась, как он извивался и плакал, и мокрым полотенцем лупила, чтобы следов не было. Меня из милости просто посадила в карцер—так у нас в детдоме одну комнату называли, там отопления не было: привязала к табуретке и продержала сутки без еды и воды, в темноте. (Вздрыгнул как от озноба.) Крысы по мне бегали. До сих пор пробирает. Чуть с ума не сошёл. От ужаса даже не простыл. А у Борьки потом вся шкура с ног облезла ниже колен, до костей почти, долго гнил, кое-как зажило. Как только вышли—ну и решили сами наказать. Достали магния немного, добавили крошки алюминиевой, марганцовку в аптеке купили, глицерин, ну и... Пожалели её в последний момент, выгнали. Так нас за этот подвиг ещё и отлупили от души. (Снова помолчав.) Об этом твой подлинный и достоверный источник, конечно, не рассказывал.

ЧЕЛОВЕК (явно начинает злиться, даже о пиве забыл, тискает стакан в руках). Как же ты, при такой истории, школу с «золотом» окончил? Как это понять?

ВЕНИЧКА (снова хохочет). А меня кто-то спрашивал—на фига козе баян? Им показатели нужны были, вот и выпинавали из нас высший балл. За каждую четвёрку наказывали, повторно—карцером. Приходилось соотвествовать. Мне эту медаль как камень на шею повесили. Больше всех эта сука старалась. Её после нашего покушения, когда вылечили, старшей воспитательницей назначили. Тут она оттянулась!

Человек вдруг вскакивает, судорожно сжимает спинку металлического столовского стула.

ЧЕЛОВЕК. Я тебя убью сейчас! Мама это моя была, понял? Вы её довели, покалечили, она и умерла рано поэтому! Она мне про вас, пидарасов, ублюдков, рассказывала! Она дневник вела—показывала мне, как вы над ней издевались! У, гад!

ВЕНИЧКА (не вставая, спокойно). Успокойся, крейтин. Сядь. Убить того, кто уже умер, сложновато. А с выражениями полегче: ты-то мне ничего не сможешь сделать, а вот я тебя... с собой могу взять. Думаешь, я не знаю, кто она была? Почему я к тебе пришёл-то? Отрезвей. Пива выпей вон.

Человек с трудом успокаивается, садится. Наливает пиво, судорожно пьёт. Веничка смотрит на него из-за кулисы, как будто решает: добить или оставить?

ВЕНИЧКА (неожиданно). Скажи, а она тебе дневник сама показывала? Как он выглядел? Тетрадь, альбом... бумага какая была?

ЧЕЛОВЕК (зло, но и растерянно). Обычная тетрадь. Общая, большая, с переплётом из чего-то, типа дерматина. Бумага в клеточку, без полей. Какая разница?

ВЕНИЧКА (заливается смехом). Огромная разница! Колоссальная! Даже не представляешь—какая! (Серьёзно.) Хочешь, я тебе настоящий её дневник покажу, подлинный и достоверный? Мы с Борькой его украли, уже когда выпускались. Ты мне поверишь, это я тебе гарантирую. Не поверить не сможешь. Таких тетрадок, как ты описал, в то время и в помине не было. Или амбарные книги с картонными обложками, или ученические тетрадки. Эта воспиталка... ладно, ладно, мама твоя, хотя я бы не стал этим гордиться,—она писала в ученической тетрадке. Вот такой. (Жестом фокусника достаёт из кармана потрёпанную, пожившую тетрадку.) Ну, прочтёшь пару записей? (Человек растерянно жмёт плечами.) Ну, слушай. Вот такая, например, запись: четвёртое марта, год... год сильно размыт, но вроде тысяча девятьсот сорок девятый. «Совсем неожиданно для себя я вдруг начала находить в этом удовольствии. Сначала испугалась: кто же я? что же я делаю? Когда первый раз треснула по затылку воспитанника—года два назад, кажется,—просто в ужас пришла. А когда он на меня посмотрел не испуганно, а с ненавистью,—перевернула во мне всё. Ах ты, думаю, гад ты такой! Родители твои против власти бунтовали, агитировали, а ты мне тут будешь характер показывать? Схватила его за волосы—и лбом об стену. Несильно, но кровь пошла. Утрись, говорю, сопляк, и не попадайся мне больше. Кто-то видел—доложили. На следующий день начальник меня вызвал, двери прикрыл, говорит: „Варвара Егоровна, так нельзя“,—и смотрит выразительно. Я растерялась, душа в пятки ушла: уволю—где в Кировске устроишься ещё? У меня образование—школа. А он, как в театре, паузу выдержал, засмеялся и говорит: „Нельзя так, чтобы следы оставались. Что мне—учить вас?“ Отлегло у меня...» Читать дальше? (Человек молчит.) Вот ещё кусочек—это двумя годами позже, как раз в то время, про которое я тебе говорил: «Эти переростки, эти юные бугаи—как я их ненавижу! За то ненавижу, что волнуют они меня. У меня всё женское откуда-то из-под юбки подымается, как их вижу. Не могу себя

удержать. Главное—чтобы не увидел никто». И ещё вот фрагментик очень любопытный того же года: «Учатся они—и я с ними учусь. Читаю поменьше. И успокаиваюсь. Всё-таки есть что-то подлинное в садизме. Он коленками на соли стоит, к батарее прикованный,—я его щупаю, а потом—мокрым полотенцем по спине, по заднице, по затылку! И снова—юную плоть его, нежную, мальчишескую...»

Человек мычит нечленораздельно, пытается отнять тетрадь, на глазах его слёзы, в глазах—ненависть.

ЧЕЛОВЕК. Отдай! Ты выдумал всё, скотина! Не могла моя мать такое написать! Она замуж вышла, меня родила...

ВЕНИЧКА (*перебивая*). За кого вышла-то, знаешь? Он же бросил вас скоро, я помню. Такой же отморозок, как она. Тоже в детдоме работал. Помню его хорошо. Девочек... не то чтобы портил—посадили бы... заставлял всякое непотребство делать. Садист почище матушки твоей. Голыми запырал нас в карцере. И девоч тоже. Потом сам туда заходил—и... В общем, вот тебе ещё напоследок: «Зачем я пишу всё это? Чёрт его знает? Надо кому-то рассказать, а некому. Это уже садомазохизм, да? Когда свою чёрную выворотку кому-то показать хочешь, так, чтобы тебя возненавидели, чтобы презирать стали, чтобы... чтобы кому-то тебя убить захотелось». (*Закрывает тетрадь.*)

Оба некоторое время молчат. Человек всхлипывает. Веничка наливает пиво себе и ему, пьёт. Тот не прикасается к стакану.

ВЕНИЧКА. И не умерла она, как ты говоришь, а...

ЧЕЛОВЕК (*вскакивает*). Заткнись, слышишь? Заткнись! Ты не видел, ты не знаешь, как это страшно!.. Захожу—а она болтается, синяя... И записка на столе: «Жить больше не могу. Все, все, все—простите». Страшно. Думал—с ума сойду.

ВЕНИЧКА (*жестко*). Я тогда в карцере, когда крысы по мне бегали, тоже думал—тронусь. (*После паузы.*) Ладно, что уж там. Жалко мне тебя вдруг стало. Хотел с собой забрать, да живи уж, горемыка. Один только вопрос остался у меня к тебе, литератор сраный. Ты зачем про институты мои врал? Зачем писал, что выгоняли меня за хроническое пьянство и неуспеваемость? Тебе бы так успевать, как я. И пил я тогда умеренно, это уж после, когда совсем жизнь закрыли, когда порой жрать было нечего. Интересно русский человек устроен: жрать нечего, а на бутылку всегда наскребёт... Знаешь, за что меня первый раз выгнали с филфака мгу? За то, что я на семинаре по... чёрт знает, уже не вспомню, как это называлось,—короче, я назвал Ленина

мумией. Ну и отчислили. Потом уже, как заяц от погони, перепрыгивал из института в институт, и меня, как неблагонадёжного, отовсюду гоняли. Жизнь свою сам себе сделал, это знаю. Борька от меня отрёкся, забыл меня—как не было. Но врать-то зачем? Зачем ты врал-то про меня?

ЧЕЛОВЕК (*долго молчит*). Я по источникам писал...

ВЕНИЧКА (*взрываясь и тут же успокаиваясь*). Источники эти твои—они откуда били? Из-под земли? Эх ты, биограф... Ладно, оставайся со всем этим, не стану больше тебя мучать. Пиво вот только допью. (*Допивает пиво, со стуком ставит стакан.*) Всё, теперь я трезвый. Пойду к себе, в небытие.

ЧЕЛОВЕК. Погоди! Может, дневник оставишь мне? Хочешь—заплачу тебе, сколько скажешь?

ВЕНИЧКА (*усмехаясь*). Охренел? Мне деньги-то зачем? У нас там всё по-другому, узнаешь, придёт время. Подарить тоже не могу—я же его с собой унёс, его, как и меня, здесь больше нет. Так что извини. Пойду, засиделся. (*Встаёт, делает шаг, вдруг останавливается.*) Совсем плохой стал. О главном забыл, главное твоё преступление не назвал.

ЧЕЛОВЕК. Какое ещё... преступление?

ВЕНИЧКА. Знаешь, когда меня редактировали, сокращали, когда точки ставили вместо нормального русского мата—я терпел: ладно, думаю, хоть в таком виде пусть, наш читатель читать между строк и по точкам умеет. Но вот когда меня переписывают, когда пишут за меня... За это морды бить надо. Убивать надо за это.

ЧЕЛОВЕК (*изображая недоумение*). Не понимаю.

ВЕНИЧКА. Серьёзно? Нет, ты всё-таки сволочь. Ладно, за тебя расскажу. Помнишь своё эссе, своё «историческое расследование» (*говорит с такой интонацией, что кавычки подразумеваются*) с красивым названием «Венедикт Васильевич—Дмитрий Дмитриевич: ненаписанная симфония смерти»? Ты зачем меня с Шостаковичем-то поссорил, хоть и не на этом свете, но всё-таки? Ты чего хотел—славы хотел? Прислониться хотел? Ну, прислонился вот, пивка со мной попил.

ЧЕЛОВЕК (*бледнеет*). Всё-таки не понимаю. Я эту рукопись на рынке купил, на барахолке московской...

ВЕНИЧКА (*смеётся хрипло, оглушительно*). Ну не скотина? Ты меня-то зачем лапшой обвешиваешь? Твою легенду, враньё твоё потом сто раз пересказали все кому не лень. Даже в серьёзных источниках появилось: «В 1972 году он написал роман „Дмитрий Шостакович“, который у него

украли в электричке вместе с авоськой, где лежали две бутылки бормотухи». Ты в своём «расследовании» написал, будто бы фрагмент этой рукописи на барахолке купил — а знаешь, что никакой рукописи, никакого романа вообще не было? Что я это просто так придумал, ни для чего, по пьянке? Знаешь, конечно... И раньше знал, и всегда. И листы этой несуществующей рукописи сам намарал или кого-то попросил, чтобы почерк не определили. Почерк всяко не мой, специалисты бы определили — да кому я нужен? Никто и не думал исследовать, сопоставлять — ну не Пушкин я, что уж там. Ты это хорошо рассчитал. Но главное даже не это — чёрт с ней, с мистификацией, мало их в истории было? Но зачем ты вот эту глупость придумал и опубликовал: «Шостакович — первый советский постмодернист в музыке, это их тесно роднит с Венедиктом Васильевичем»? Музыканты охренели, Дмитрий Дмитриевич перевернулся, а я вот — восстал. *(Помолчав минуту, вздыхает тяжело, мучительно, как будто жалея собеседника.)* Дурак ты, а никакой не литератор, вот что. Живи теперь с этим. Оставайся. Пошёл я. *(Делает шаг.)*

ЧЕЛОВЕК *(тихо, очень серьёзно, трезво)*. Подожди. Постой. Вот что... Ты вроде за мной пришёл, так? Ты меня с собой хотел взять. Ты мне за это время, за эти четыре литра пива всю мою жизнь перевернул, вывернул, высморкался в неё, подтёрся ею. Что мне делать теперь здесь? Зачем мне оставаться? *(Веничка пытается что-то сказать — Человек его останавливает жестом.)* Теперь ты не говори ничего. Теперь я скажу. Я полжизни был второсортным писакой,

журналистической на побегушках, меня всерьёз никто не воспринимал. Мне нужен был герой, я всё героя искал, а он всё не попадался. И как-то раз случайно, в пивнушке, встретился мне человек героической профессии — так он себя назвал. Он мне за два часа всю биографию рассказал, фотки показал, как он с моряками на сейнере ходил, как штурвал самолёта мужественно держал, как от акул спасался... много чего ещё рассказал. Документ показал, что он — кавалер какого-то там ордена, теперь уж не вспомню. Я обалдел. Я едва успевал за ним записывать. Напечатал большой очерк с его же фотками. А потом оказалось, что он всё врал, фотки не его, он их украл, и документ украл, и биография его была сплошь ворованная, надёрганная из книжек. А сам — просто жулик, пива на халяву захотелось, вот и... В общем, меня уволили. И тут мне мамин дневник попался — ну, тот, про который я тебе говорил, который, получается, она просто для меня писала. Который тоже — враньё, но я тогда этого не знал. И я подумал: а зачем мне живой герой, когда есть мёртвый? Вокруг которого столько легенд и мифов, что правду всё равно никто никогда не узнает? *(Молчит некоторое время. Веничка слушает стоя, не перебивает.)* Меня после моего... расследования в писатели приняли. Дальше всё пошло как по маслу. *(Усмехается.)* Я на тебе, на придуманной твоей биографии свою собственную сделал. Тоже, получается, придуманную. И что мне теперь тут делать? Для чего оставаться? Что ещё я могу написать, что придумать? Так что не зря ты пришёл. И не один уйдёшь. Я с тобой. Погоди, только пивка на дорогу прихвачу. *(Исчезает в глубине сцены.)*

ЗАНАВЕС

.....